

Е. Н. Князева

КОММУНИКАТИВНАЯ СЛОЖНОСТЬ¹

Исследуется феномен коммуникации как проявление сложности вступающих во взаимодействие существ. Коммуникация рассматривается не как привилегия человека, показывается укорененность ее в мире живой природы, ее эволюционное происхождение. Коммуникативная сложность раскрывается посредством понятий гибкости (флексibility), конструирования, intersubjectivity, партиципационного производства смыслов, эмпатии, синергии, взаимного возникновения (co-emergence) коммуницирующих существ. Понимание коммуникации с позиции концепции энактивизма позволяет раскрыть некоторые существенные свойства конструирования в коммуникативном взаимодействии.

Ключевые слова: коммуникация, сложность, конструктивизм, intersubjectivity, партиципационное производство смыслов, распределенная телесность, ситуационность, смысл, эмерджентность, энактивизм, эмпатия.

Одно из перспективных направлений в современной эпистемологии – натуралистическая, или натурализованная, эпистемология. Она развивается в общем русле, заданном классической версией эволюционной эпистемологии, основания которой были заложены австрийским этологом, Нобелевским лауреатом К. Лоренцем. Продолжая этот тренд, современные специалисты в области философии сознания (philosophy of mind) стремятся перекрыть бреши между науками о жизни (life sciences) и науками о познании (cognitive science). С одной стороны, сама жизнь и деятельность человека, как и всех живых существ, есть познание. Жить – значит познавать; собственно такой была формула, предложенная основателем эволюционной эпистемологии К. Лоренцем: “Life is cognition”. С другой стороны, познание, когнитивная активность, как и другие формы деятельности, скажем, такая, как коммуникация, укоренена в жизни.

По словам Э. Томпсона, «ум подобен жизни, а жизнь подобна уму» [1, p. 385]. Ум активен, деятелен, динамически организован, отелеснен, он строит окружение, которое его строит и через познание, и через коммуникацию. Я в мире, который во мне. Эта концепция в современной когнитивной науке называется extended mind. Границы моего Я не ограничиваются моей телесностью, это вся сеть моей жизни, познания и коммуникации, которую я сам строю. Я полностью распределен в мире, ближнем и более отдаленном, а мир полностью внутри меня. Я вбираю в себя мир, «всплеском» которого я сам являюсь.

С позиции этих новых представлений о динамическом, отелесненном, ситуационном, энактивном познании в современной когнитивной науке можно иначе взглянуть на феномен коммуникации, обнаружить в нем некоторые существенные и неожиданные стороны. Можно обнаружить укоренение его в самой жизни природы и извлечь из этого представ-

ления что-то новое для понимания высших форм коммуникации – коммуникации в мире человека.

1. Эволюционное происхождение коммуникации

Лишь на первый взгляд кажется, что коммуникация – это чисто человеческий феномен. На самом деле только сложные формы вербальной коммуникации являются прерогативой человека. Животные тоже общаются друг с другом, причем весьма интенсивно и изощренно. Коммуникация в живой природе – это обмен информацией между особями, а также в более широком смысле между живым существом и окружающей его средой, значимым для него срезом окружающего мира – Umwelt, который создается, конструируется им и творит, конструирует его самого.

Еще раз обратим внимание на важнейшую формулу: сама жизнь есть когнитивный процесс. Эволюция есть также когнитивный процесс. А всякий сложный феномен познания включает в себя коммуникацию. Коммуникация используется животными для обозначения своей территории, для указания на то, как далеко находятся пищевые ресурсы и насколько он богат, для предупреждения сородичей об опасности и т. д. Наиболее древние знаки коммуникации, которые практически выпадают в мире цивилизованного человека, – это запахи. Для собак запахи и распознающий их орган обоняния – основные средства коммуникации.

Прорывные исследования в изучении способов коммуникации животных были проведены Нобелевским лауреатом Карлом фон Фришем. Он изучил сложный телесный язык медоносных пчел, так называемый танец пчел, посредством которого они сообщают друг другу о местоположении и качестве источников питания.

О типе используемых ими для коммуникации танцев рассказывает нам П. Ватцлавик. Если обнаруженный пчелой нектар располагается в непо-

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект № 11-23-01005/Вел «Инновационная сложность: методологические, когнитивные и социальные аспекты»).

средственной близости, то пчела совершает так называемый круговой танец, который заключается в попеременно совершаемых движениях по полному кругу вправо и влево от источника. Если корм находится на среднем расстоянии от улья, то пчела совершает так называемый серповидный танец, который, если на него посмотреть сверху, похож на рисуемую пчелой восьмерку. Если же корм обнаружен на еще более далеком расстоянии от улья, то пчела совершает так называемый хвостовой танец, который заключается в том, что она продвигается на несколько сантиметров в направлении источника вперед, а затем совершает полукруг направо или налево, возвращаясь к исходному пункту своего движения, а затем повторяет свое движение вперед [2, S. 15]. Кроме того, фон Фриш установил, что в телесном языке пчел существуют «диалекты». Итальянские медоносные пчелы исполняют хвостовой танец, если источник питания удален более чем на 40 м, тогда как у австрийских пчел этот сигнал используется при удалении, по меньшей мере, на 90 м. Поэтому австрийская пчела, скорее всего, «не поймет» свою итальянскую коллегу и улетит дальше, чем нужно, а итальянская пчела при получении подобного сигнала просто не долетит до источника питания. Язык пчел является эволюционно выработанным и врожденным приспособлением к окружающей среде.

Рассматривая происхождение коммуникации в едином процессе эволюции живой природы и истории культуры человечества, Конрад Лоренц показывает, что коммуникация возникает как побочный продукт ритуализации, развития ритуальных действий. Песни птиц, например, служат не только для обозначения своей территории, но и для привлечения партнеров, поиска самки. Коммуникация является самым древним достижением в ходе развития ритуалов. Вторым достижением было «приручение» действий, их канализация, что привело к развитию социальных форм поведения. Третье достижение – это возникновение новых мотиваций. А четвертое – это запрет на смешение двух видов или двух квазивидов, например культур и субкультур [3, S. 275]. В итоге в культурных сообществах коммуникация становится свободным обменом символами.

Интересно обобщить, каковы эволюционные истоки коммуникативной активности живых существ, а в связи с этим каковы основные черты коммуникации в мире животных и чем принципиально она отличается от человеческой коммуникации. Этой теме посвящены пространные исследования, проведенные в последние годы в Институте Конрада Лоренца по изучению эволюции и познания в Альтенберге под Веной [4, 5].

Во-первых, человек *обменивается символами, а животные – сигналами*. Это, казалось бы, принци-

пиальное отличие. Символы человеческого мира обладают смыслами. Различают ли смыслы и творят ли смыслы живые существа в природе?

Развивающаяся в течение полувека интереснейшая область исследований биосемиотика изучает репрезентацию, значения, смыслы и биологическую значимость знаковых процессов, начиная с межклеточных знаковых процессов до поведения животных и семантических артефактов человека. В качестве предшественников биосемиотики обычно рассматривают Ч. Пирса, Я. фон Иксюля и Г. Бейтсона. Современная биосемиотика – это междисциплинарное направление исследований, включающее в себя целый ряд дисциплин от биологии и антропологии до философии и лингвистики и изучающее обработку знаков и сигналов живыми системами. Пытаясь продвинуть натуралистическое понимание эволюции и развития процессов в живой природе, зависящих от способности обрабатывать знаки, современная биосемиотическая теория предлагает новые важные концептуальные средства для научного исследования ума и смысла, систем искусственного интеллекта, изучения всего разнообразия форм невербальной коммуникации в мире человека, в мире животных и растений. С точки зрения этой теории и растения, и животные и даже отдельные клетки – все вовлечено в семиозис – процесс превращения физических сигналов в условные знаки. Биосемиотика изучает мириады форм коммуникации и обозначения (придания смысла) внутри и между живыми системами [6, p. V].

Жизнь, которая есть познание, представляет собой извлечение смысла (*living is sense-making*), отбор значимого и ценного и вовлечение этого в жизненный мир организма. Якоб фон Иксюль блестяще описал особенности когнитивных и жизненных миров различных живых организмов, введя понятие Umwelt – специфического окружающего мира, к которому приспособлен и который строит себе всякий биологический вид. Umwelt включает лишь то, что значимо для живого организма. Иксюль показал, что когнитивный мир человека принципиально отличен от мира, скажем, клеща. Полевой клещ долго сидит на кончике травинки и весь его Umwelt, все, что имеет смысл и значение для него, – это только ощущение теплоты и масляной кислоты, исходящей от кожи и шерсти теплокровного животного. Как только по траве пробегает собака или лисица, он мгновенно расслабляет члены и падает вниз. Затем ему надо пробраться через шерсть животного и впитаться в него, насыщая себя кровью и разбухая как пузырь. Он не любит красота осеннего леса, как это делает человек, он не распознает нектары цветов, которые значимы для пчел, его знаки, которые несут для него жизненно важный смысл, – это только теплота и ма-

сляная кислота. Это пример психомоторной интенциональности живого существа.

Во-вторых, в ходе эволюции живых существ возрастает *гибкость, гибкость, гибкость коммуникации*. Умение подстраиваться под изменение ситуации в окружающей среде означает, по сути дела, повышение адаптивных возможностей живых существ, улучшение их способностей выживания. Ответ на сигнал зависит от контекста, предыдущего опыта, памяти, кроме того, живые существа могут обучаться через действие, которое оказалось адекватным ситуации. Гибкость, пластичность форм коммуникации соответствует такому современному представлению из философии сознания, как ситуационность познания (*situated cognition*).

Ч. Сноудон, изучая обезьян, приходит к выводу: «Репродуктивно успешные особи – это, по-видимому, те, которые могут быстро отвечать на изменения окружающей среды. Контекстуально гибкая коммуникативная система обеспечивает возможность быстрой корректировки коммуникации в соответствии с изменениями окружающей среды» [7, р. 76]. В то же время коммуникативные системы не как угодно пластичны, не как угодно могут подстраиваться под окружающий мир. Возможности их подстройки и тонкой настройки на окружающую среду и адресатов их коммуникации определяются формами их телесной организации, способами их двигательной активности и т. п.

В-третьих, восприятие живого существа непосредственно связано с действием, которое творит мир. Восприятие обусловлено особенностями телесной организации живого существа и формами его коммуникации с окружением. Каждый биологический вид в живой природе фактически живет в своем собственном экологическом окружении и собственном когнитивном мире. Разные виды живут в различных, часто не пересекающихся мирах восприятия, действия и коммуникации. Поразительно, но эту особенность познающих живых существ подметил еще Ф. Ницше: «Мир – не такой-то и такой-то: и живые существа видят его таким, каким он им является. Мало того: мир состоит из таких живых существ, и для каждого из них существует какой-нибудь малый уголок, откуда оно измеряет, замечает, видит или не видит» [8, р. 227].

Какова реальность сама по себе, как таковая, в своей собственной проекции? На этот вопрос ответить не так просто. Конрад Лоренц, например, как-то заметил, что в немецком языке слово «действительность» *Wirklichkeit* одного корня с глаголом «действовать» *wirken* [9, с. 50]. То, что окружает живое существо, – это не вещи, а, по выражению Я. фон Иксюля, обстоятельства действия *Aktion-Dinge*. *Действительность творится в действии, а способности действовать, формы поведения и*

коммуникации у особей каждого вида разные. Восприятие и коммуникация создают реальности разные для особей разных видов, разные – для детенышей и взрослых особей, разные – для каждой творческой человеческой личности, которая завтра может быть непохожа на себя сегодняшнюю.

Глаз человека приспособлен к определенному «оптическому окну», отличающемуся от «окна» некоторых насекомых, питающихся нектаром (пчелы, бабочки, муравьи), способных видеть в ультрафиолете. Ухо человека устроено так, что слышит в определенном «акустическом окне», оно не способно воспринимать ультразвуковые сигналы, которыми пользуются для коммуникации некоторые животные, такие как дельфины и летучие мыши. Мир голубя окрашен в пять цветов, перед бабочками открывается неожиданное великолепие мира в ультрафиолетовом свете, недоступное человеческому глазу, ночные животные (волки и другие хищные звери), как правило, не различают цветов, т. е. видят мир черно-белым, а палитра красок мира, предстающая перед человеческим глазом, широка и включает в себя множество цветов и оттенков цвета. В таком случае не имеет смысла вопрошать, каков подлинный цвет мира. Каждый вид живых существ в соответствии со способностями своего тела и своей нервной системы выявляет определенные аспекты или стороны окружающего мира.

В эволюционной эпистемологии вводится понятие «мезокосм». Мезокосм – это та часть окружающего мира, к которой адаптировался человек в ходе эволюции и которая обусловлена особенностями его телесной организации. «Когнитивную нишу человека мы называем “мезокосмом”, – пишет Г. Фолльмер. Мезокосм – это мир средних размерностей: мир средних расстояний, времен, весов, температур, мир малых скоростей, ускорений, сил, а также мир умеренной сложности. Наши познавательные структуры созданы этим космосом, подогнаны к нему, для него и посредством него отобраны, на нем испытаны и оправдали свою надежность» [10, с. 8].

В-четвертых, коммуникация демонстрирует сложность познания и жизни живого существа. А сложность познания выражается в различных формах *самоорганизации*, кооперативного и когерентного поведения, возможности внезапного, эмерджентного рождения новых форм жизненной активности, познания, коммуникации. Самоорганизация связана с *эмерджентностью*, которая является важнейшим понятием в современной теории сложных адаптивных систем, каковыми являются биологические системы, человек – его тело и сознание, – социальные системы, информационные сети и т. п. Конрад Лоренц не любил слово «эмерджентность» и предложил использованное средневековыми философами-мистиками слово

«фульгурация» (от лат.: *fulguratio* – сверкание молнии). Но если в Средневековье этим словом обозначался акт сотворения, Лоренц применял его для обозначения феномена рождения чего-то принципиально нового в эволюции жизни.

2. Коммуникация как феномен сложных адаптивных систем

Коммуникация – это феномен, характерный для сложных адаптивных систем. Эта тема уже рассматривалась недавно в интересной статье Н. М. Смирновой на страницах журнала [11]. Сложные адаптивные системы (биологические системы и системы социальные) обладают свойствами самоорганизации, эмерджентности, открытости (вернее, операциональной замкнутости), нелинейности. Сложность системы определяется числом элементов системы и сложности взаимодействий (в данном случае коммуникационных взаимодействий) между ними. Самоорганизация – это спонтанное, самопроизвольное возникновение порядка из беспорядка. С точки зрения теории сложных адаптивных систем, можно поставить вопрос о том, какое количество элементов группы оптимально для самоорганизации и плодотворной коммуникации. Слишком большое число коммуницирующих существ может создать эффект толпы, когда теряется индивидуальность каждого. Длительная и креативная коммуникация между двумя людьми отнюдь не всегда возможна. Из истории человеческой культуры нам известны немногие примеры: Ландау и Лифшиц, Ильф и Петров... Слишком сложны коммуникативные отношения между двумя персонами, и в упомянутых случаях мы имеем дело, вообще говоря, с формированием симбиозных личностей, с их творческим взаимным срастанием. Оптимальное число участников для креативной коммуникации – это, пожалуй, численность сплоченной команды, 7–15 человек.

С представлением о самоорганизации коммуникативных систем связано представление об эмерджентных свойствах этих систем, возникающих в процессе их развития. Эмерджентность нельзя понимать упрощенно: это не просто спонтанность и непредсказуемость появления новых свойств. Когда говорят о непредсказуемости и непостижимости появления нового, как правило, подчеркивается только гносеологический аспект новизны. Эмерджентность, как и креативная случайность, укоренена в бытии, имеет онтологическое основание. Эмерджентность – это несводимость, нередуцируемость свойств целого (системы) к свойствам частей (элементов или подсистем). Это несводимость более высокоорганизованного к менее организованному, сложного к более простому, более высокого уровня иерархии к более низкому. Эволюция вся состоит из качественных скачков, фазовых переходов, эмерджентных трансформаций, в которых

творяются ранее неизвестные свойства. Эмерджентность – это способ рождения новизны в процессе эволюции природы и общества, а в данном случае – в коммуникативных системах.

Эмерджентность в коммуникативных системах проявляется как эмерджентность их свойств и эмерджентность смысла. Коммуницирующие возникают, появляются заново в процессе взаимодействия. Смысл также эмерджентен. Смысл не задан заранее и не дан нам, а творится тем, кто его извлекает, в том числе и самим творцом, завтрашним или послезавтрашним, который тем самым наслаивается на самого себя.

Сложные адаптивные системы демонстрируют феномен синергии. Синергия – это эффект холизма, когерентности, кооперативных эффектов, когда целое больше суммы частей, когда коммуникативная система порождает то, что иначе не возникнет у каждого из элементов. Ссылаясь на П. Корнинга, А. В. Олескин разъясняет смысл синергии для биосоциальных систем. Это, во-первых, «синергия *масштаба* (польза от увеличения размеров системы); например, “большая коалиция львов-самцов может более успешно овладеть группой самок... большая группа шимпанзе обычно более успешно охотится” (Корнинг); во-вторых, *модификация окружающей среды* (пингвины в Антарктиде тесно прижимаются друг к другу и создают вокруг себя зону с достаточно высокой температурой); в-третьих, *распределение издержек и риска* (летучие мыши-вампиры делятся проглоченной кровью с менее удачливыми товарищами по колонии, снижая для них риск голодной смерти); в-четвертых, *обмен информацией* (коммуникация); в-пятых, *комбинирование или разделение функций* (пример: гетероцисты у цианобактерий у цианобактерий фиксируют азот, остальные клетки осуществляют полный фотосинтез)» [12, с. 73].

Живые организмы – это не машинообразные сущности, как предполагал Декарт. Ч. Дарвин в своей книге «Выражение *эмоций* у человека и животных» (1872) показал, что животные обладают богатой гаммой эмоций, могут иметь симпатию по отношению друг к другу, порой действуют так, как будто имеют долг по отношению к своим сородичам. Симпатия – это эволюционное начало (происхождение) этики. Моральное поведение – это не что-то искусственное, а результат эволюции посредством естественного отбора.

Подобного взгляда придерживался и основоположник экономической теории Адам Смит, оказавший влияние на Дарвина. В книге «Теория моральных чувств» (1759) он высказал предположение, что симпатия, т. е. способность вообразить себя на месте другого и чувствовать другого как самого себя, – это основа нравственности. Смит еще не употреблял слова «эмпатия», вчувствование, по-немецки

Einführung. Как становится ясным сегодня, подлинная коммуникация, т. е. коммуникация как творчество, невозможна без эмпатии, без ментального воображения и ощущения себя на месте другого.

В рамках современной парадигмы энактивности познания, т. е. о вдействовании человека в среду, коммуникативное взаимодействие можно назвать энактивной деятельностью. Парадигма энактивности коренится в концепции автопоззиса [13]. Коммуницирующие как целостные личности обладают автономией, они операционально замкнуты, сохраняют свою личностную идентичность. Но их взаимодействие означает взаимную энактивацию, полагание и творение друг друга и друг для друга. Это партисипационное созидание самих себя и смысла в процессе коммуникации (participatory sense-making and sense-making). Participatory sense-making является основой социального познания [14].

Энактивность подлинной коммуникации близка сопровождающему ее эмпатическому чувству. Не только опыт определяется внешним миром, но познаваемый нами мир нашим опытом. Участники коммуникационного взаимодействия являются и наблюдателями и деятелями: они включены в наблюдаемый мир и рассматривают мир с позиции внутреннего наблюдателя, в том числе и себя с позиции другого. А. Смит говорил о позиции беспристрастного наблюдателя, который, будучи включен во взаимодействие, может отстраниться от него и как бы посмотреть на себя со стороны. Способность к такому наблюдению по отношению к самому себе – это способность человеческого духа. По словам У. Матураны, «все биологические процессы протекают как циклическая рекурсивная динамика, через которую живые системы возникают как исторические сингулярности» [15, р. 92].

Мир с позиции его внутреннего наблюдателя – вот перспектива энактивизма. Трудно поэтому провести грань между внешним и внутренним. Внутреннее и внешнее, оказывается, сикретично связанными друг с другом. Это полностью в духе феноменологии М. Мерло-Понти, который писал: «Внутри и вне неразделимы. Мир полностью внутри меня, а я полностью вне самого себя». Или, как говорил Ф. Варела, «мир, который меня окружает, и то, что я делаю, чтобы обнаружить себя в этом мире, неразделимы. Познание есть активное участие, глубинная ко-детерминация того, что кажется внешним, и того, что кажется внутренним» [16, р. 8–9]. Субъект вбирает в себя мир, поскольку без остатка обращен к миру, разлит в нем. Это широко обсуждаемая сейчас проблема интернализма и экстернализма (extended mind) в философии сознания.

3. Интерсубъективности в процессе коммуникации: энактивизм, партисипационное производство смыслов

Ключевой принцип, на котором строится энактивистский подход к интерсубъективности, заключается в том, что живой организм (живое существо или человек как субъект познания) является центром активности мира, он вовлечен в мир телесно, нейронально, перцептуально, интеллектуально, он встраивается в динамику окружающей его среды и преобразует эту среду в соответствии со своими нуждами. В своей когнитивной деятельности он строится во взаимодействии с другими индивидами, посредством них и через них. Интерсубъективность вырастает в каждый момент из взаимодействия двух или более субъектов.

Томас Фукс и Ханне де Жегер характеризуют интерсубъективность, понимаемую ими с точки зрения энактивизма, как «партисипационное производство смыслов». Это «процесс генерирования и трансформации смыслов во взаимной игре между взаимодействующими индивидами, а также и сам этот процесс взаимодействия» [17, р. 466]. Интерсубъективность – это не просто сотрудничество между взаимодействующими индивидами и координация их ментальной деятельности; интерсубъективность следует рассматривать в рамках понятий нерепрезентатизма, энактивизма, телесности, вдействия в мир и в друг друга и взаимного отелеснивания (интеркорпоральности). Мы моделируем верования и намерения других людей, с которыми мы имеем дело, как будто мы находимся в их ситуации. За такой процесс ответственны в мозгу так называемые зеркальные нейроны.

Прежние концептуальные рамки, в которых отсутствует процессуальная, ситуационная, телесная, интерактивная и энактивная составляющие, ныне подвергаются серьезной критике.

Во-первых, наша ментальность – это не просто внутреннее царство, которое отделено от внутреннего мира других эпистемическим заливом, который мы можем переплыть посредством логических заключений, выводов, проекций. Мы, в принципе, скрыты друг от друга, поэтому, чтобы понять другого или других, мы должны поставить себя на его или их место.

Во-вторых, оценивая действия других и стремясь их понять, мы обычно занимаем позицию «третьего лица», т. е. внешнего наблюдателя. Этого недостаточно, мы должны быть встроены в саму ситуацию, в сам процесс: наблюдения со стороны недостаточно, мы должны быть во взаимодействии или даже вдействовании друг в друга, а это и есть позиция энактивизма.

В-третьих, нам следует избегать картезианской ошибки, что тело есть всего лишь передаточный прибор, напротив, необходимо рассматривать взаимные связи телесно воплощенных когнитивных агентов.

В-четвертых, традиционные подходы к социальному познанию недостаточны и подвержены критике, поскольку в них не учитывается, что различные когнитивные и креативные способности проистекают друг от друга, определенным образом связаны и эволюционируют на протяжении человеческой жизни.

В качестве альтернативного выдвигается энактивистский взгляд на интересубъективность. Его существо Фукс и де Жегер характеризуют следующим образом [17, р. 469–470] (следуя основным положениям этих авторов, я добавляю свои комментарии):

Социальное понимание, хотя и интеракционно, т. е. базируется на взаимодействиях между людьми, является индивидуальным делом каждого из нас. Оно строится от автономии каждого и благодаря ей.

Интерсубъективность существенным образом опирается на телесность в самом богатом смысле этого слова, т. е. на динамические действия, которые производят целостные телесно воплощенные и определенным образом телесно организованные индивиды.

Намерения индивидов не являются непрозрачными и скрытыми, они выражаются в действиях, поэтому могут быть восприняты и поняты другими.

Цели и интенции других людей не являются пред-данными и статичными, они генерируются и трансформируются в процессе взаимодействия. Социальное познание и социальное действие означает возможность самокорректировки своих действий в зависимости от реакций других и в зависимости от изменяющейся ситуации социального взаимодействия.

Отсюда делается следующий вывод: «Мы понимаем социальное взаимодействие как интерактивный и интеркорпоральный процесс, в который погружены оба партнера и в котором ведущую роль для понимания играет сам процесс взаимодействия. Короче говоря, социальное познание возникает из телесного социального взаимодействия или, применяя термин Мерло-Понти, из интеркорпоральности. Употребляя это понятие, мы понимаем его в рамках энактивистского подхода, а именно как *динамическое сцепление* (dynamical coupling) и *координацию телесных когнитивных агентов*» [17, р. 470].

Производство смыслов – это не разовый акт, а процесс. Смыслы со-создаются в процессе взаимодействия партнеров, открываются все новые и новые смыслы по мере развертывания и углубления этого взаимодействия. Производство смыслов в социальном взаимодействии – это процесс с открытым концом, это настоящее приключение, которое подстегивается синергией взаимодействующих личностей. Кроме того, здесь имеет место холистический эффект, о котором говорят Фукс и де Жегер: «Взаимное инкорпорирование открывает

потенциально новые области производства смыслов, такие области, которые недоступны каждому из индивидов в отдельности. Выражаясь в терминах партисипационного производства смыслов, в этой ситуации мы говорим о подлинно совместном производстве смыслов» [17, р. 477].

В общем-то энактивность – это современное переосмысление экзистенциального видения коммуникации. В процессе коммуникации не только смыслы творятся, но и закладываются основы свободы каждого из нас, которая вырастает от другого и позволяет обрести собственное лицо. В одном из пассажей своей автобиографии, как бы мимоходом, это замечательно выразил К. Ясперс: «Человек обретает самого себя лишь в коммуникации с другими, что никогда не достигается только через посредство одного знания. Мы становимся самими собой лишь в той мере, в какой становится самим собой “другой”, и обретаем свободу только в той мере, в какой обретает свободу “другой”» [18, с. 325].

4. Коммуникация и распределенная телесность

С представлением об энактивности познания тесно связано представление о телесности познания. Можно сказать, что, принимая эту новую исследовательскую программу, саму эпистемологию мы можем назвать телесно ориентированной.

Существуют телесные нити, управляющие разумом. Психосоматические связи строятся по принципу нелинейной циклической причинности. Тело и душа, мозг и сознание находятся в отношении циклической, взаимной детерминации. Отстаивая единство тела и духа, М. Мерло-Понти отмечал, что дух есть «иная сторона тела. Он прочно внедрен в тело, поставлен в нем на якорь». Телесно восприятие человеком самого себя. По его словам, «Я не перед своим телом, Я не в своем теле, скорее Я и есть мое тело». То, что познается и как познается, зависит от телесной организации живого существа и встраивания его в мир. Таксы, например, имеют удлинненное тело и поэтому приспособлены для охоты в норах.

Структуры восприятия и мышления зависят от «синергий тела», от сенсомоторного опыта, которому соответствуют определенные нейронные структуры. Когнитивные структуры могут быть соотношены с определенными сенсомоторными схемами.

Телесное познание есть движение и действие. Воспринимающий и мыслящий ум есть тело в движении. По словам Анри Бергсона, «наша мысль изначально связана с действием. Именно по форме действия был отлит наш интеллект». Хайнц фон Фёрстер отмечал: «Хочешь познавать, научись действовать!» и «Действуй так, чтобы умножать возможности для выбора!». Как подчеркивают де Жегер и ди Паоло, «движение есть центр телесной активности» [14, р. 489]. Мы видим не глазами, а руками и ногами. Знания не пассивно прио-

бредаются организмами как когнитивными агентами, но активно строятся ими. Живые организмы как целостные системы активно взаимодействуют с элементами окружающей среды, конструируя ее и находясь в процессе конструирования самих себя под ее влиянием.

Наш мир восприятия и мышления не ограничивается нашей кожей и кончиками наших пальцев. Мы распределены в окружающем мире, в нашем узком социуме, который строится нами и посредством наших мыслей и наших действий. Еще М. Мерло-Понти обратил внимание на то, что для слепого его палка перестает быть просто объектом, она не воспринимается им как внешний объект, она становится областью его собственной чувствительности, расширяя объем и активный радиус касания, и выступает как механизм, компенсирующий зрение [17, р. 472]. Несколько заостряя смысл этого представления, можно сказать, что для слепого палка становится частью его самого.

Аналогичным образом, для ученого его компьютер, его флешка, его книга конспектов или же его экспериментальные приборы и установки – это продолжение его самого. Потеря этих дополнений – это потеря ученым самого себя, которая может вызвать в нем невероятные страдания. Субъективность человека продлена и продолжена в мир его вещей-процессов, в мир его социальных отношений.

Не мы в мире, а мир в нас. Мы строимся от окружающего мира, который непрерывно строится и достраивается нами. Сегодня понятие *Umwelt* активно используется в описании мира человека. *Umwelt* – это созданный каждым из нас окружающий мир, обратно влияющий на него/нее. *Umwelt* – это и наш микросоциум, мир наших непосредственных социальных связей и отношений. Живой организм и окружающая среда совместно и взаимно конституируют друг друга. Эта теоретическая позиция становится в настоящее время достаточно популярной и развивается как концепция *extended mind*. Одна из флагманских статей принадлежит перу Э. Кларка и Д. Чалмерса [19].

Наш мир – это, скорее, не мир вещей, а мир действий, мир наших поведенческих актов и откликов на эти акты. Часто обсуждается простейший пример – восприятие нами мягкости губки. Мягкость губки не находится в ней самой, она обнаруживается нами в нашем действии и благодаря ему, в том, как губка отвечает на наше активное действие, на сжатие, производимое соответствующими движениями нашего тела (наших ладоней или пальцев).

В социальном мире, мире социальных взаимодействий говорят вслед за Мерло-Понти об интеркорпоральности, которая необходима для социального понимания и производства смыслов. Наши целенаправленные или произвольные телесные дей-

ствия – хватания, указание, передача из рук в руки, касания, движения навстречу или, напротив, отстранения, являются чрезвычайно значимыми действиями. Особое значение имеет весь арсенал невербальной коммуникации – язык телодвижений и поз, жестов, интонаций голоса, мимики и движений глаз, культурных касаний, о котором замечательно рассказывает в своих книгах Г. Е. Крейдлин [20]. Интонации голоса и телесные движения нередко говорят больше и несут в себе больше смыслов, чем сами слова. И, конечно, намеренное прекращение коммуникации (непроизнесение приветствия «Здравствуйте!») несет несравнимо больший смысл для знающих друг друга людей, чем беглое «Зрасьте!».

Коммуницируют между собой телесно организованные субъекты, и коммуникация их как именно таковых означает рождение смысла. «Фактически смыслы возникают, устанавливаются, изменяются и т. п. через межличностную координацию движений. И, наоборот, движения становятся межличностными, будучи координированными через попытки понимания друг друга, которые направляются также усилиями создать и наладить способы понимания друг друга» [17, р. 471].

Говоря о важности интеркорпоральности для возникновения интересубъективности, следует подчеркнуть также, что люди как когнитивные существа, или, при рассмотрении их в иной ипостаси, акторы социального действия являются гибкими, пластичными, флексибельными системами. История их предыдущих социальных коммуникаций хотя и определяет во многом сегодняшнее общение и достижение понимания, но не жестко: они изменяются в процессе жизни и взаимодействия и могут выходить на новый уровень взаимного понимания и личностного соприкосновения или же, напротив, полностью или частично терять интерес друг к другу и/или способность достижения согласия. Необходимо учитывать также, что действия и социальные взаимодействия приобретают свою собственную жизнь и изменяются в зависимости от изменяющейся ситуации (ситуативность достижения интересубъективности).

5. Эмпатийность подлинной коммуникации. Синергии духовной деятельности

Человек как участник социальных взаимодействий не просто наблюдает других людей, строя сложные межличностные отношения или занимаясь литературным, поэтическим, актерским творчеством, он развивает в себе способность вчувствования, эмпатии. Изучению феномена эмпатии уделяется ныне большее значение, тем не менее здесь остается еще немало неясного.

Эмпатия является одновременно и основой креативных способностей человека, и способом восприятия, понимания и создания красоты, и вну-

тренним стержнем для морального действия. Эмпатия – тот узелок, через который соединяются истина, красота и добро. В художественном и отчасти научном творчестве способность вчувствования – это способность слиться с природным и/или социальным миром, войти с ним в резонанс, чтобы открыть в нем, а тем самым и в себе самом что-то новое. В восприятии красоты это основа незаинтересованного любования. Этическое поведение начинается тогда и постольку, когда и поскольку человек научается чувствовать радость (или горе) другого как свою собственную радость (или горе), о чем писал Адам Смит в своемopusе “Theory of Moral Sentiments”.

Эмпатия означает способность выйти из самого себя и посмотреть на самого себя со стороны, зазеркалить себя, на что не способны животные, которые сливаются со своим окружением, со своим Umwelt. Современное открытие в нейронауке говорит, что за эту способность ответственны так называемые зеркальные нейроны. А вместе с тем это высшая способность человеческого духа. Человек отстраняется от самого себя и сливается с миром или с другим человеком (или общностью людей), тем самым он открывает что-то ранее неизвестное в мире и одновременно перестраивает самого себя. Путем расставания с собой он себя находит. Переживая часть самого себя в личность другого, отдавая самого себя (тем самым создается как бы симбиозная личность), он находит самого себя подлинного, обновляет и развивает себя. Не боясь потерять свою идентичность, он ее обретает и укрепляет. В мире, в другом (или в других), в не-Я он узнает самого себя, свое Я.

Если параметры внешнего воздействия со стороны социальной среды соответствуют собственным параметрам личности как сложной самоорганизующейся системы, то имеет место феномен резонанса. Резонанс, с точки зрения теории сложных самоорганизующихся систем (синергетики), – это топологически правильное воздействие на психику, мозг и тело человека (поскольку есть психосоматическая связь, то, воздействуя на тело, мы воздействуем на психику, и наоборот), т. е. воздействие на них пусть и малое, но конфигурационно правильное, симметричное. Это приводит к многократному усилению креативной активности личности, раскрытию огромных потенциалов человеческой психики и сознания.

Для познания сложных явлений природного и социального мира нужно построить сложную структуру на поле мозга и сознания. И то и другое, рассуждая по большому счету, строится по единому закону: структуры мозга и структуры действительности конгруэнтны. Ведь и всякая природная среда, и среда мозга открыты и нелинейны, а стало

быть, являются «полигоном» для разыгрывания процессов самоорганизации. Человек является результатом, продуктом эволюции природы, и, будучи ее собственным порождением, способен познавать мир и себя в нем. Не на этом ли пути следует искать решения главной проблемы для человеческого разума – познаваемости мира, которую Макс Планк называл чудом?

Человек не чужд миру, его возвращение в лоно мира, понимание смыслов коллективной деятельности в социуме в пиковых моментах творческого экстаза и озарения есть возвращение к собственной природе, к своим истокам, к собственному происхождению.

В данном случае нас будут интересовать следствия и результаты таких топологически правильных самовоздействий на мозг, реализации высших творческих проявлений человеческого Я. Научное открытие, творческая удача, озарение или провидение, когда угадывается некоторая объективная тенденция развития, – тоже своего рода резонанс человека-творца с миром, с окружающей его действительностью. Это – резонанс, по меньшей мере, эпистемический, в то время как восточные мудрецы, йоги, буддисты говорят даже о физическом, энергетическом слиянии с миром. Последняя позиция имела влияние и на русскую философию. «Восприятия не субъективны, а субъектны, т. е. принадлежат субъекту, хотя и лежат вне его. Иначе говоря, в знании сказывается подлинная расширенность субъекта и подлинное соединение его энергии (в смысле терминологии XVI века) с энергией познаваемой реальности» [21, с. 115], – так характеризует свою теорию знания П. А. Флоренский.

Этот резонанс иначе можно описать как эмпатию, т. е. вчувствование (Einfühlung), вживание, вдействие в мир, энактивность, перевоплощение, перенесение и идентификация. Эмпатия означает чувствование мира или другого человека как самого себя, способность поставить себя на место познаваемой вещи, рисуемого или воспеваемого объекта. Как отмечает Е. А. Басин, «специфичным для эмпатии является механизм проекции – интроспекции, а результативным выражением процессов – идентификация... Будучи связанным с созданием воображаемой и условной ситуации, проекция и интроспекция суть механизмы воображения, направленные на преобразование не системы не-Я, а системы Я» [22, с. 39–40].

Парадоксально при этом то, что максимальное творческое самовыражение субъекта соответствует максимальной объективности, подлинности результатов творчества. Иначе говоря, максимум личностного, человеческого, субъективного в творце снимает это личностное или даже начисто уничтожает его и дает подлинно объективную картину бытия.

Список литературы

1. Thompson E. Life and mind: from autoipoiesis to neurophenomenology. A tribute to Francisco Varela // Phenomenology and the Cognitive Sciences. 2004. Vol. 3. P. 381–398.
2. Watzlawick P. Wie wirklich ist die Wirklichkeit? 8. Auflage. München: Piper, 2010.
3. Lorenz K. Die Rückseite des Spiegels. Versuch einer Naturgeschichte menschlichen Erkennens. München: Piper, 1973.
4. Evolution of Communication Systems. A Comparative Analysis / ed. by D. Kinbrough Oller and Ulrike Griebel. Cambridge (MA): The MIT Press, 2004.
5. Evolution of Communicative Flexibility: Complexity, Creativity, and Adaptability in Human and Animal Communication / ed. by D. Kimbrough Oller and Ulrike Griebel. Cambridge (MA): The MIT Press, 2008.
6. Favareau D. Essential Readings in Biosemiotics: Anthology and Commentary. Heidelberg, etc.: Springer, 2010. P. V.
7. Snowdon Ch. T. Contextually flexible communication in nonhuman primates // Evolution of Communicative Flexibility. Cambridge (MA): The MIT Press, 2008.
8. Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 12. М.: Культурная революция, 2005.
9. Лоренц К. Кантовская концепция а priori в свете современной биологии // Эволюционная эпистемология. Антология / науч. ред. Е. Н. Князева. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. С. 43–74.
10. Фольмер Г. По разные стороны мезокосма / пер. Е. Н. Князевой // Человек. 1993. № 2.
11. Смирнова Н. М. Понятие сложности в когнитивном анализе коммуникативно-смысловых характеристик социальной реальности // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2013. Вып. 1 (129). С. 169–175.
12. Олескин А. В. Биополитика. Курс лекций. М., 2007.
13. Князева Е. Н. Автопоэзис мысли // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2008. Вып. 1 (75). С. 46–54.
14. De Jaegher H., Di Paolo E. Participatory sense-making. An enactive approach to social cognition // Phenomenology and the Cognitive Sciences. 2007. Vol. 4. No 4. P. 485–507.
15. Maturana H. R. Self-consciousness: how? when? where? // Constructivist Foundations. 2006. Vol.1. No 3.
16. Varela F. Quatre phares pour l'avenir des sciences cognitives // Théorie – Littérature – Enseignement. 1999. No. 17.
17. Fuchs T., Jaegher de H. Enactive intersubjectivity: participatory sense-making and mutual incorporation // Phenomenology and Cognitive Sciences. 2009. Vol. 8. No 4. P. 465–486.
18. Ясперс К. Философская автобиография // Перцев А. В. Молодой Ясперс: рождение экзистенциализма из пены психиатрии. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2012. С. 207–337.
19. Clark A., Chalmers D. J. The extended mind // Analysis. 1998. Vol. 58. P. 7–19.
20. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика. М.: Новое лит. обозр., 2004.
21. Флоренский П. А. Автореферат // Вопр. философии. 1988. № 12.
22. Басин Е. А. Искусство и эмпатия. М.: Слово, 2010.

Князева Е. Н., доктор философских наук, зав. сектором.

Институт философии РАН.

Ул. Волхонка, 14, стр. 1, Москва, Россия, 119991.

E-mail: helena_knyazeva@mail.ru

Материал поступил в редакцию 15.04.2013.

H. N. Knyazeva

COMMUNICATIVE COMPLEXITY

The article deals with the phenomenon of communication as a manifestation of complexity of interacting creatures. Communication is considered not as a privilege of a human being; it is shown that it is in the root of the world of living nature, it has evolutionary origins. The communicative complexity is exposed by such concepts as flexibility, constructing, intersubjectivity, participatory sense-making, empathy, synergy, mutual incorporation and co-emergence of creatures, which enter the process of communication. Understanding of communication from the viewpoint of the conception of enactivism allows disclosing some substantial aspects of the constructivist character of communicative interaction.

Key words: *communication, complexity, constructivism, intersubjectivity, participatory sense-making, mutual incorporation, situatedness, meaning, emergence, enactivism, empathy.*

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Science.

Ul. Volkhonka, 14/1, Moscow, Russia, 119991.

E-mail: helena_knyazeva@mail.ru